

DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-3-57-70

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

*И.Х. Сулаев*<sup>1</sup>

Введение  
Мусульманские съезды  
Ислам и шариат в полемике религиозных и светских деятелей  
Муфтий или имам?  
Заключение

Поступила в редакцию: 09.06.2021.  
Передана на рецензию: 12.06.2021.  
Получена рецензия: 22.08.2021.  
Принята в номер: 27.08.2021.

## Исламский фактор в борьбе альтернатив развития Дагестана в условиях революции 1917 г.

*Дагестанский государственный университет; [www.sigab.ru@yandex.ru](mailto:www.sigab.ru@yandex.ru)*

В статье рассмотрены революционные события 1917 года в Дагестане сквозь призму правосознания мусульманских деятелей и духовенства, их участия в общественно-политической жизни края. События имели как общие для всей России, так и специфические черты, характерные для Дагестана, обусловленные уровнем социально-экономического, политического развития края и ролью ислама в обществе. Показано, как бурное революционное время выдвинуло на политическую сцену авторитетных мусульманских лидеров, которые старались выработать тактику и стратегию и повлиять на ход событий в Дагестане после Февральской революции 1917 г. У каждого представителя светской и духовной интеллигенции было свое отношение к тем или иным политическим силам, активизировавшимся в ходе революционной демократии.

В статье отмечаются такие характерные особенности революционной демократии 1917 года в Дагестане, как активное вовлечение мусульманского духовенства в новые институты власти, апелляция его представителей к исламу и шариату при выяснении и разрешении какого-либо вопроса, имеющего общественно-политическую значимость. Показано, что наиболее важный и обсуждаемый мусульманами Дагестана и Северного Кавказа вопрос – выборы главы Духовного управления мусульман Кавказа из числа авторитетных ученых-алимов. Самые здоровые общественно-политические силы края старались сохранить правопорядок и законность в крае, апеллируя при этом к нормам шариата и ислама.

Ключевые слова: *революция, ислам, мусульманское духовенство, шариат, Дагестанская область, съезды, демократия, муфтий, имам.*

---

DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-3-57-70

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

*I.Kh. Sulaev*<sup>2</sup>

Introduction.  
Muslim congresses.  
Islam and Sharia in the polemics of religious and secular figures.  
Mufti or imam? Conclusion.

Received: 09.06.2021.  
Submitted for review: 12.06.2021.  
Review received: 22.08.2021.  
Accepted for publication: 27.08.2021.

---

<sup>1</sup> *Иманутдин Хабибович Сулаев* – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ДГУ.

<sup>2</sup> *Imanutdin Khabibovich Sulaev* – Dr. Sc. (History), professor at the Department of National History of Dagestan State University.

## **The Islamic Factor in the Struggle for the Paths of Dagestan Development in the Conditions of the 1917 Revolution**

*Dagestan State University; [www.sigab.ru@yandex.ru](http://www.sigab.ru@yandex.ru)*

The article examines the revolutionary events of 1917 in Dagestan from the standpoint of legal awareness of Muslim public figures and clergy and their participation in the socio-political life of the region. The events had both common for the entire Russia and specific features due to the level of socio-economic and political development of the region and the role of Islam in its society. The article examines how the turbulent revolutionary time brought authoritative Muslim leaders to the political scene. Later, they aspired to develop their own tactics and strategy in order to influence the course of events in Dagestan after the February Revolution of 1917. Each representative of the secular and spiritual intelligentsia had their own attitude to the political forces that emerged during the struggle for the revolutionary democracy. The author notes such a characteristic feature of the revolutionary democracy of 1917 in Dagestan as the active involvement of the Muslim clergy in the new government institutions, their appeal to Islam and Sharia when clarifying and resolving various issues of socio-political importance. It is shown that the most important and discussed issue was the election of the head of the Caucasian Spiritual Board of Muslims from among muftis or imams by the Muslims of Dagestan and the North Caucasus. The healthy socio-political forces of the region aspired to preserve law and order in the region appealing to Sharia and Islam.

Keywords: *revolution, Islam, Muslim clergy, Sharia, Dagestan, congress, democracy, mufti, imam.*

---

### **Введение**

Как известно, в 1917 году Россия стояла перед выбором своего дальнейшего исторического пути развития из ряда существовавших тогда альтернатив. Февральская революция 1917 г. и свержение самодержавия вызвали большой резонанс во всех национальных и мусульманских регионах бывшей империи [6, с. 76]. Последним революция дала надежду на более автономное развитие своих областей, теперь уже с опорой на собственные исторические традиции, национальные и религиозные особенности. По мере распространения революционных идей и ослабления центральной власти на местах в Дагестанской области, как и везде на Кавказе, начиналась своего рода борьба с централистскими тенденциями: создавались новые политические комбинации для отторжения от бывшей империи, всё чаще и открыто не только выражалось общественное недовольство слабостью власти, но и усиливалось влияние институтов ислама, отмечался рост влияния духовных вождей.

Как и повсюду на национальных окраинах, в Дагестанской области резко активизируются общественно-политические движения разного толка и различных политических ориентаций. Активность общественной жизни проявлялась на многочисленных собраниях, съездах, заседаниях политических и общественных групп, союзов и комитетов, в центре внимания которых было открыто провозглашённое революцией право наций на самоопределение. Самым мощным среди них было национально-религиозное движение, росту которого способствовали: 1) возвращение из ссылки тарикатских шейхов после провозглашённой ещё в марте 1917 г. Временным правительством «полной амнистии по всем делам – политическим и религиозным, отмены всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений» [9, с. 12–13]; 2) агитация духовной интеллигенции за введение шариата. Исламский фактор в те переломные годы стал играть важную роль в общественно-политической жизни региона: самыми популярными лозунгами в

Дагестане стали *хурият* (свобода), *шариат*, *адалят* (справедливость) и *муссават* (равенство).

Следует уточнить, что «исламский фактор» – неустоявшийся в гуманитарной науке термин. В отечественной научной литературе он зачастую освещается с точки зрения историко-политологического контекста при анализе современной мировой политики и международных отношений [4; 8; 24], имея в виду, например, некую «деятельность исламских субъектов в различных областях общественной жизни под исламскими лозунгами» [25, с. 68]. Или же его используют при описании внутривнутриполитических процессов постсоветской России, в том числе Северного Кавказа и Дагестана [14, с. 54–57; 21, с. 100–105; 22, с. 60–65]. В отдельных работах понятие «исламский фактор» подменяется очень близкими по значению терминами такими, как, например, «мусульманское движение», понимаемое автором как религиозно-политическое движение, боровшееся либо с другими конфессиями, либо со светской властью за установление теократии [36, с. 85]; «зелёные» [18, с. 41], применительно к политическим течениям и движениям, осуществлявшим свою деятельность под исламскими лозунгами в годы гражданской войны в разных регионах бывшей империи.

Опираясь на вышеупомянутое понятийное и терминологическое определение этого феномена [25, с. 68], как наиболее соответствующее предмету исследования, а также на критический анализ десятков трудов и малоизвестных источников, посвященных данной теме, рассмотрим общественно-политические события в Дагестанской области в период Февральской революции 1917 г. с точки зрения исламоведения.

### Мусульманские съезды

Мусульманские народы, как и все остальные, стремились максимально использовать возможности, возникшие в связи с победой революции, для решения многих общих и специальных вопросов дальнейшего развития. Первоначально мусульманские народы сделали попытку решить некоторые проблемы на общероссийском уровне. Так, 1–11 мая 1917 г. в Москве под знаком объединения прошел мусульманский съезд, который принял решение о создании Всероссийского мусульманского совета под председательством социал-демократа (меньшевика) Ахмеда Цаликова. [1, с. 45]. Он заявил, что «обновление исламской нации и создание сильного политического центра, единой мусульманской фракции в Учредительном собрании» [29, с. 203] станут важнейшими задачами в ближайшем будущем.

Дагестан на съезде мусульман представляли Г. Бамматов и А. Магомедов, делегированные Дагестанским областным исполкомом. Г. Бамматов даже выступил на нём [5]. На съезде было принято решение отстранить назначенных ранее царским правительством муфтия и кадиев, а вместо них выбрать новых духовных руководителей [7, л. 3]. Тем самым съезд положил начало выборному процессу как для членов Духовного управления мусульман России, так и для руководителя. Это стало толчком для принятия аналогичных решений во всех мусульманских регионах России.

Вопреки сопротивлению консервативной части мусульманского духовенства, утверждавшей, что женское равноправие противоречит сурам Корана и заветам пророка Мухаммеда, на съезде была принята следующая резолюция по женскому вопросу: «1. Мусульманки как в политических, так и в гражданских правах должны быть равноправны с мужчинами. 2. Многожёнство, ввиду того, что оно противоречит принципу человечности, должно быть совершенно уничтожено» [20, с. 173]. Это была первая декларация съезда мусульман России, столь категорично провозглашавшая равноправие мусульманок и ликвидацию многожёнства. В ней отразились веяние

времени, дух революционных преобразований, которыми были охвачены народы России.

Однако мусульманское духовенство и руководители Духовного управления мусульман на II Всероссийском съезде мусульман в Казани (июль 1917 г.) добились отмены вышеупомянутых решений. Они выдвинули ультиматум, что если съезд не согласится с их предложением об отмене резолюции прежнего съезда, то всё Духовное управление мусульман во главе с муфтием уйдёт в отставку [20, с. 174].

Вопрос эмансипации женщины в новых общественно-политических условиях, ставший краеугольным камнем повестки дня всероссийских съездов, обсуждался также и делегатами I съезда горцев Северного Кавказа и Дагестана, проходившем в начале мая 1917 г. во Владикавказе. Несмотря на традиционные представления горцев-делегатов и консерватизм значительной части местного мусульманского духовенства, духовная секция съезда констатировала, что шариат не препятствует участию женщины в политической жизни общества и в представительных органах. Но в выработке норм шариата женщины не могут принимать участия, что вполне совпадало тогда с правосознанием горцев Северного Кавказа и Дагестана. «Вообще ислам как практическое учение на правосознание исповедующих его народностей влияет настолько, что нормы обычного права (адаты) ничем не отличаются от суда по шариату, особенно в Нагорном Дагестане» [33, л. 3], – констатировалось в докладе духовной секции.

Аналогичные съезды мусульман состоялись в Туркестане и Ташкенте – в мае и сентябре 1917 г. На них обсуждались актуальные проблемы мусульман региона, в том числе вопрос национального самоопределения. При этом выступающие на съезде в принятии решений непосредственно ориентировались на положения Корана и шариат [15, с. 53].

### **Ислам и шариат в полемике религиозных и светских деятелей**

Дагестанский областной исполнительный комитет, созданный 22 марта 1917 г. в Темир-Хан-Шуре как орган Временного буржуазного правительства, состоял из 30 человек, представителей всех 9 округов и городов Дагестана. Помимо представителей светской интеллигенции и выходцев из других социальных слоев населения в этот орган вошли также представители мусульманского духовенства – алимь Нажмутдин Гоцинский из Аварского округа, Магомед-Кади Дибиров из Гунибского округа, Сейфулла-кади Башларов и Али Каяев из Казикумухского округа [19, л. 7]. Активное участие представителей мусульманского духовенства Дагестана в общественно-политической жизни 1917 года объяснялось тем, что самым влиятельным общественным движением в Дагестане на протяжении XIX – первой трети XX в. было именно мусульманское, объединявшее большинство мусульман вокруг духовных вождей, из-за чего оно постоянно находилось под пристальным вниманием российского правительства.

Важным в этой ситуации для Дагестана, по словам члена Дагестанского областного исполкома Магомеда-Кади Дибирова, было то, что дагестанский народ выступал за решение с помощью норм шариата как политических, так и общественных дел<sup>3</sup>: «чтобы политические и общественные дела решались на основе

---

<sup>3</sup> В Центральном государственном архиве Республики Дагестан (Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 59) отложился один из списков (вариантов) рукописи М.-К. Дибирова, который называется «История Дагестана. События после революции». Автор записан как Магомед Карахинский/Дибиров. Мы сверили эту рукопись с изданной в 1997 году его работой под редакцией Гаджиева А.-Г.С. и Дахдужева Д.А. Изданная работа называется «История Дагестана в годы революции и гражданской войны» и содержит незначительные

шариата» [10, с. 28]. В объяснении и пропаганде шариатских предписаний большую роль играли алимы и шейхи. Часть дагестанского общества требовала, чтобы вся власть была сосредоточена именно в их руках, что свидетельствовало о потере доверия к российской власти среди горцев-мусульман. В контексте сказанного приведем конкретный пример. После свержения самодержавия авторитетный шейх и будущий шейх-уль-ислам Дагестана А.-Х. Акушинский собрал в акушинской мечети джамаат и объявил о низвержении государя Николая II и о необходимости жить по предписаниям шариата и свободы, здесь же он заявил о полном праве народа избирать себе руководителей. На этом же собрании была создана «организация борцов за свободу», а её руководителем избран сам Али-Хаджи Акушинский. Такая смена власти началась и в других даргинских аулах [3, с. 193–193].

Решения, которые принимались и выносились на съездах и заседаниях различных общественных советов и представительных органов в период с февраля до октября 1917 года, свидетельствовали о том, насколько остро в условиях Дагестана стоял вопрос согласования с шариатом всех процессов и явлений. Политическая жизнь в крае развивалась стремительно. В середине апреля 1917 г. в Темир-Хан-Шуре было создано общество «Джамятуль-исламие», цели которого введение в Дагестане шариата, соблюдение шариатских предписаний и защита прав алимов. «Общество ислама», как его называла тогда пресса, часто выносило на общественный суд

---

расхождения с рукописью, которые в целом не влияют на её качество. Например, в преамбуле (начале) рукописи М.-К. Дибиров пишет: «Описываемые мною события являются непреложной истиной. Будучи далёк от мысли хулить одних, хвалить других властей и представителей их, оставаясь объективным, описываю лишь одни факты» (ЦГА РД. Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 59. Л. 1), а в изданном редакторами варианте допущено незначительное искажение выражения «Будучи далёк от мысли хулить одних, хвалить других *представителей власти*, оставаясь объективным, описываю лишь одни факты» (Дибиров М.-К. История Дагестана в годы... – С. 16). М.-К. Дибиров как очевидец практически всех общественно-политических событий 1917–1921 гг. прямо указывает на смену властей в годы революции и гражданской войны.

*Другой пример.* М.-К. Дибиров назвал первый параграф «Возникновение Российской революции» (ЦГА РД. Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 59. Л. 1 об.), а в изданном редакторами варианте записано «Февральская революция в России» (см.: Дибиров М.-К. История Дагестана в годы революции и гражданской войны / под. ред. Гаджиева А.-Г.С., Дахдуева Д.А. – Махачкала, 1997. С. 17). Такие же изменения внесены редакторами в названия других параграфов. На листе архивного документа, где отмечаются пользователи, фамилии и подписи редакторов мы не обнаружили. Другой вариант (список) рукописи М.-К. Дибирова хранится в Научном архиве Института истории, археологии и этнографии Дагестанского Федерального Исследовательского центра Российской академии наук. В листе использования А.-Г.С. Гаджиев подписался два раза, в разные годы (см.: Дибиров М.-К. История Дагестана. События после революции // Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского Федерального Исследовательского центра Российской академии наук (НА ИИАЭ ДФИЦ РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 256. Л. 1-89. Рукопись М.-К. Дибирова, хранящаяся в НА ИИАЭ ДФИЦ РАН, набрана на машинке, в неё внесено больше исправлений, чем в ту, что хранится в ЦГА РД (рукописный вариант перевода с арабского на русский). В частности, в преамбуле автор пишет следующее: «Будучи далёк от мысли хулить одних, хвалить других властей и представителей их являвших[ся] попере[мен]но после революции, я оставаясь объективным, описываю лишь одни факты» (см.: НА ИИАЭ ДФИЦ РАН Ф. 2. Оп. 1. Д. 256. Л. 1). Здесь же первый параграф дан под названием «Возникновение Российской революции». В рукописном варианте работы, хранящейся в ЦГА РД, приводится нумерация тетрадей, в которых была записана сама работа М.-К. Дибирова, а в печатном варианте нумерация тетрадей отсутствует.

жизненно важные проблемы. Так, 25 мая 1917 г. в газете «Джаридату Дагестан» сообщалось о том, что это общество приняло решение запретить употребление алкоголя среди мусульманского населения и торговлю спиртными напитками среди всего населения. Это постановление было направлено в Дагестанский областной исполком для утверждения и проведения в жизнь. Отдельные призывы жить по нормам шариата исходили и от самих некоторых изданий. Так, еще 26 апреля 1917 г. газета «Муссават» выступила против захватов чужих земель, объявив это насилием, и предложила наказать виновных по нормам шариата и закона [2, с. 13–14].

Активную позицию заняло и мусульманское духовенство. На I Владикавказском съезде горских народов, который проходил в начале мая 1917 года (это был первый такой случай проведения на Северном Кавказе форума в новых общественно-политических условиях), на повестку дня был поставлен вопрос национального самоопределения. Съезд провозгласил создание Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, в рамках которого, как подметил А. Малашенко, в последующем образовалась исламская (шариатская) группировка, выступавшая за возрождение на Северном Кавказе имамата [16, с. 38]. Согласно принятой 7 мая 1917 г. на I съезде Союза горцев Конституции, Дагестанский областной исполком объявлялся местным органом Центрального комитета Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. На съезде активное участие приняли представители мусульманского духовенства Дагестана Нажмутдин Гоцинский, Магомед Рамазан-оглы, Гаджи Абдулла-молла Кадыр-оглы, Джамалутдин Хаджи Карабудахкентский, которые больше других, требовали разрешения по шариату вопросов, возникших в ходе революции. Вспоминая атмосферу тех дней, один из делегатов съезда А. Тахо-Годи по этому поводу писал следующее: «Муллы и шейхи Чечни и Дагестана дали волю своим страстям в течение 10 дней съезда. Как разрешить такой-то вопрос? – «По шариату!» – отвечает дружным хором съезд. Интеллигенция могла для виду голосовать против, воздержаться, а масса духовенства, присутствовавшая на съезде, стояла за шариат» [27, с. 13–14].

На съезде помимо других вопросов были вынесены на обсуждение также аграрный и духовный вопросы. Аграрный вопрос решили отложить до созыва Учредительного собрания в России, хотя при этом в решение съезда был включен пункт с требованием, чтобы во Всероссийском Учредительном собрании вопросы, касающиеся горцев-мусульман, разрешались согласно нормам шариата [26, с. 10].

В связи с этим было принято решение учредить Кавказское духовное управление мусульман с резиденцией во Владикавказе, состоявшее из 9 лиц во главе с муфтием Нажмутдином из Гоцо Аварского округа Дагестанской области. При муфтии учреждался совет из 4 кадиев: два от шафиитов и два от ханафитов. Также было решено открыть для подготовки кадров духовенства юридическую академию шариатских наук, а при Центральном комитете Союза горцев Северного Кавказа помимо духовного управления учредить еще особый религиозный совет из 6 лиц. Предложенное муфтием Гоцинским «Положение» регламентировало выстраивание судебной системы: в каждом горском ауле и окружных центрах предлагалось создать новые шариатские суды из числа наиболее грамотных алимов, а кадии на местах должны были избираться согласно шариату. В столице Российского государства предлагалось учредить должность шейх-уль-ислама, избираемого мусульманами на основании шариата и наделенного полномочиями министра по мусульманским религиозным и политическим делам. При шейх-уль-исламе предлагалось учредить совет из 6 представителей: два от шафиитов, два от ханафитов и два от джафари.

Духовная секция съезда, куда помимо духовенства входили и представители светской интеллигенции, подготовила обширный и обстоятельный доклад по исламу и шариату [33, л. 1–3]. Главным докладчиком выступил арабист и алим Али Гасанов.

Он подчеркивал, что основные идеи ислама – равенство и братство всех людей на земле – пока еще не осуществились. Их воплощение в жизнь и является главной задачей не только современного поколения, но и будущих поколений. Под равенством понималось равенство прав, а не физическое или духовное. Под братством – взаимное обеспечение интересов и прав людей. В докладе нашли отражение и революционные идеи: свобода должна быть понимаема не как произвол каждого человека, каждой нации или сообщества, а как способ реализации индивидуальных, общественных и национальных стремлений при условии признания равенства всех людей [33, л. 3].

Духовная секция предложила съезду принять решение ввести во всех судах по всем делам мусульман правила Корана и шариата [19, л. 39]. В светских школах начиная с нового учебного года обязательно предлагалось ввести уроки шариата. Съезд согласился с этими предложениями и принял решение систематизировать мусульманские правовые нормы с учетом духа и требований революционного времени и выпустить их на разных языках.

Некоторые делегаты из числа светской интеллигенции и на съезде, и через прессу выражали опасение, что введение шариатских порядков отбросит мусульман назад и затормозит прогрессивное развитие народов Северного Кавказа. Противники введения шариата сравнивали мусульманские страны с деспотическими режимами в ряде европейских, имевших демократическую форму правления. Они ссылались также на жестокие методы наказания преступников, предусмотренные шариатом. Опровергая доводы противников, духовенство утверждало, что имеющиеся в шариате противоречия по поводу наказания за воровство и убийство, несовместимые с нормами правового и свободного государства, в отношении прав и свобод личности отпадают согласно самому же шариату. «Суровые наказания за уголовные преступления были введены Пророком в целях радикальной борьбы с преступностью» [33, л. 2 об.], – убеждали своих противников шариатисты. *Шариатским блоком, социал-шариатистами* советские исследователи называли открытых сторонников введения в Дагестане шариата. К ним относились духовенство, крупные собственники и националисты [27, с. 19]. Именно *шариатский блок* Дагестанской области в мае 1917 г. на своём маджлисе вынес решение запретить торговлю спиртными напитками среди мусульманского населения.

После Владикавказского съезда в мусульманских регионах Северного Кавказа были созваны съезды представителей отдельных народов, на которых ставился вопрос о введении и соблюдении шариата. Съезд ингушского народа, например, был созван по инициативе известного общественного деятеля В.-Г. Джабагиева в г. Назрани. В нём активное участие приняло и мусульманское духовенство. Съезд узаконил шариат как универсальное средство для разрешения всех горских вопросов и объявил о ведении всех дел по шариату [17, с. 191].

С февраля 1917 г. до большевистского переворота в Петрограде в октябре различные общественные силы Дагестана, имевшие даже противоположные цели и программы, пытались решать вопросы, возникшие в ходе революции, цивилизованно, через местные и представительные органы. Один из влиятельных дагестанских алимов, принявший участие во всех съездах этого периода, Али Гасанов, писал, что партийных споров тогда в Дагестане не было. Даже первомайский праздник в 1917 г. в Темир-Хан-Шуре отмечался как праздник демократии всего мира с участием различных общественных сил столицы. Демонстранты выкрикивали лозунг: «Да здравствует свобода!», звучали песни и музыка, были отслужены молебны мусульманским, православным и иудейским духовенством [31, л. 8]. Этот

случай очень показателен для многонационального и поликонфессионального Дагестана в условиях революционной демократии 1917 г.

Ни одна общественная сила в Дагестане не могла игнорировать требования мусульман о введении шариата. Подобные требования особенно усилились летом 1917 г. в связи с ростом движения в пользу провозглашения имамом Н. Гоцинского. Особый размах они приобрели в Нагорном Дагестане. Газета «Джаридату Дагестан» 23 августа 1917 г. опубликовала информацию Областного совета окружным и участковым комиссарам о разногласиях в руководстве по вопросу о ведении дел в судах по шариату. Отдельные члены совета предлагали рассматривать гражданские дела на основе местных адатов и по гражданскому праву. После широких дискуссий с инициативой проведения референдума на местах по этому вопросу [34, л. 5] выступил милли-комитет, который являлся одной из влиятельных общественных организаций в Дагестане в период с февраля по октябрь 1917 г. Под давлением масс Дагестанский Областной совет согласился с его проведением.

По итогам референдума все общества высказались за решение всяких дел исключительно на основе шариата. Отдельные обращения обществ с требованием введения шариата сохранились в фондах республиканского архива, например, от обществ Куяда Гунибского округа с 420 подписями; Салта, Хурух, Арчи того же округа; Чукна Кази-Кумухского округа; Халимбекаул, Буглен, Нижнего и Верхнего Казанищ, Тарки Темир-Хан-Шурина округа; Ашты и Худуц Кайтаго-Табасаранского округа [35, л. 12, 18, 28, 68]. Советский историк Б. Кашкаев писал, что референдум был проведен осенью 1917 года не иначе как под влиянием обращения Н. Гоцинского «К народам Кавказа» [13, с. 45]. Нередко, наоборот, требования и обращения горцев о введении шариата повсеместно и по всем вопросам получали влиятельные алимы и шейхи Дагестана. Так, в письме в газету «Джаридату Дагестан» 15 июня 1917 г. Н. Гоцинский подтверждает факт обращения к нему ряда обществ Нагорного Дагестана с такими требованиями. Муфтий Дагестана и Северного Кавказа (официальная тогда его должность) писал, что он всегда интересуется происходящими событиями и готов защитить интересы народа, возмущался тем, что «люди неразборчиво выбирают на ответственные посты порочных взяточников и развратников, не уважающих ни порядок, ни шариат и религию» [34, л. 15].

В более поздних обращениях обществ Верхнего и Нижнего Казанищ Темир-Хан-Шурина округа к шейху Али-Хаджи Акушинскому говорится о том, что они с самого начала революции стремились ввести шариат в Дагестане, о чём неоднократно заявляли властям через своих уполномоченных. Но их желание удовлетворено не было, наоборот, «усиливались действия, основывающиеся на (светских) законах и адатах» [3, с. 90]. Введение в Дагестане шариата эти же общества поручили шейхам Али-Хаджи Акушинскому и Абдул-Басиру-Хаджи Казанищенскому.

Для обсуждения спорных вопросов Дагестанское общество исламистов («Джамият-уль-исламие») стало созывать съезды алимов. На них приглашались самые авторитетные знатоки шариата и арабо-мусульманской культуры от обществ и округов Дагестана. Известны несколько таких съездов, созванных только в 1917 году. На одном из них, 2 августа 1917 г. в Темир-Хан-Шуре рассматривались следующие вопросы: 1) о судах; 2) о пожертвованиях на полезные дела; 3) о языке обучения в школах; 4) об открытии в Дагестане духовных школ. По вопросу о судах съезд единодушно принял решение придерживаться шариата как по гражданским, так и уголовным делам [10, с. 24; 12, л. 15].

В решении съезда алимов подчеркивалось, что с введением шариата повсеместно отменяются суды по адатам и светские законы. Для единообразия



принимаемых всеми судами решений алимы постановили кодифицировать шариат. Комиссия, образованная с этой целью и состоящая из наиболее подготовленных кадиев, должна была быть беспристрастной и справедливой по отношению ко всем религиям, политическим партиям и течениям. Съезд алимов потребовал открытия в каждом округе медресе, а в Темир-Хан-Шуре – Высшей духовной школы. По вопросу о языке обучения детей в школах мнения алимов разделились. Одни делегаты предложили тюркский язык, другие отстаивали арабский. Алимы Н. Гоцинский, А.-Х. Акушинский, У.-Х. Салтинский голосовали за арабский язык. Шейх Али-Хаджи на съезде заявил, что детей дагестанцев надо обучать только на арабском языке, т. к. обучение на тюркском языке и изучение светских наук противоречат шариату. Их в этом вопросе из тактических соображений поддержали социалисты М. Дахадаев и Д. Коркмасов, обосновавшие свою точку зрения тем, что «Коран и шариат написаны по-арабски» [10, с. 23; 12, л. 14 об.].

Из-за того, что алимы не пришли к единому мнению, вопрос о языке обучения детей в дагестанских школах был вынесен уже на Всеобщий съезд представителей дагестанских народов, который открылся 18 августа 1917 г. в Темир-Хан-Шуре. Но и здесь по данному вопросу делегаты к единому мнению не пришли. После съезда состоялся общедагестанский референдум, на котором большая часть населения высказалась за тюркский язык для обучения детей в школах [19, л. 15].

Вопреки сопротивлению социалистов и некоторой части светской интеллигенции на Всеобщем съезде дагестанских представителей по вопросу о судах делегаты приняли решение в пользу шариата. Социалисты требовали введения светского судопроизводства. На последних съездах алимов еще прозвучали требования: в администрациях повсеместно делопроизводство вести только на арабском языке; полный отказ от русского языка [32, л. 67–68]. Это был своеобразный отпор духовенства чиновничеству и светской интеллигенции, требующим при приеме на работу в госучреждения наличия аттестата о светском образовании. В контексте бурной общественно-политической жизни в Дагестанской области в ходе революционной демократии 1917 г. приведем мнение известного исследователя, который полагает, что в 1917 году социальное движение мусульманских народов «ни в коем случае не носило религиозно-политического характера», а было «освободительным» [36, с. 85]. Словосочетание «мусульманское движение» А.Б. Юнусовой понимается как религиозно-политическое движение, целью которого является борьба либо с другими конфессиями, либо со светской властью за установление теократии [36, с. 85]. На наш взгляд, её последний тезис, что «мусульманское движение» боролось со светской властью за установление теократии применим и к Дагестанской области. В 1917 году в Дагестанской области не было противостояния духовенства разных конфессий или борьбы религиозных течений в какой-либо форме. На съездах «шариатистов» и националистов в центре внимания было решение всех вопросов по шариату, а для того чтобы поддержать начальные и средние мусульманские школы – мектебы и медресе, число которых намеревались увеличить, приняли решение об использовании для их нужд *закята* [30, л. 2].

По предложению делегатов I Владикавказского съезда горских народов второй съезд был назначен на 10 августа 1917 г. в высокогорном селении Анди, в котором когда-то имам Шамиль созвал своих сторонников и призвал их на газават. На этом съезде планировалось обсудить 12 вопросов и первым стоял вопрос о духовных делах мусульман.

### **Муфтий или имам?**

Анди́йский съезд прошел не так, как рассчитывали его организаторы, что, в частности, можно объяснить активизацией дагестанцев и чеченцев, требующих объявить Нажмутдина Гоцинского имамом – главой духовной и светской власти.

Сторонники имамской власти говорили, что дагестанцы нуждаются в имаме, а если окажутся люди, осмелившиеся выступить против свободы, революции и шариата, то таких надо наказывать. Противники утверждали, что Гоцинский сам стал инициатором провозглашения себя имамом и ради этой цели привлек другого духовного авторитета Нагорного Дагестана и Чечни – шейха накшбандийского тариката Узун-Хаджи Салтинского. Последний, безоглядно преданный шариату и требующий его немедленного введения в Дагестане [28, с. 24], принял за агитацию в пользу Н. Гоцинского.

Помимо делегатов на съезд собралось множество мюридов разных духовных вождей – шейхов накшбандийского и кадирийского тарикатов, всего несколько тысяч человек из всех регионов Северного Кавказа. Только из Темир-Хан-Шурина округа в нём приняли участие известные алимы и шейхи: Сулейман-Хаджи Апшинский, Мамма-Хаджи Дженгутайский, Джамалутдин-Хаджи Карабудахкентский, кадий Ибрагим Кадиев и другие.

Не всем делегатам удалось попасть на съезд: некоторые из них просто вовремя не доехали в высокогорный аул Анди. Тон всему на форуме горцев задавали алимы и шейхи Дагестана и Чечни со своими мюридами. Главным делом для большинства из них стало избрание имама Северного Кавказа и Дагестана. Кандидатура была известна всем. Узун-Хаджи подготовил и провел обряд избрания Нажмутдина Гоцинского. «Большинство присутствующих было радо этому событию, – пишет участник съезда М.-К. Дибиров, – а остальные растерялись, социалисты даже заперлись в доме, многие вернулись, а часть делегатов и приглашенных не добралась до Анди» [10, с. 30; 11; 12, л. 21 об.].

На съезде возникли разногласия по поводу учреждения самого института имамства как главы мусульман Северного Кавказа и Дагестана и правомерности избрания на этот пост Гоцинского. Представители властных структур Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, Дагестанского областного исполнительного комитета предложили компромиссное решение: именовать Гоцинского не имамом, а муфтием. Дагестанский облисполком 29 октября 1917 г. дополнительно, через газеты, вынужден был даже объявить о своём решении – именовать Гоцинского муфтием [31, л. 32 об.]. Тем не менее, часть дагестанского общества признала Гоцинского имамом, хотя официальная власть называла его муфтием. Такое же двойное отношение к нему было у значительной части мусульманского духовенства Северного Кавказа.

Учитывая то обстоятельство, что на Андийском съезде не удалось обсудить программные вопросы, руководители Союза горцев Северного Кавказа приняли решение о продолжении II съезда 20 сентября 1917 г. во Владикавказе. Предлагалось обсудить те же самые вопросы, которые не удалось рассмотреть в Анди. Нажмутдин Гоцинский и на этом съезде был провозглашён муфтием. Вскоре он заявил, что всеми силами станет бороться против тех, кто «будет поносить святой шариат и будет мешать проводить в жизнь шариатские решения» [34, л. 5]. Гоцинский обещал применять против них шариатские меры вплоть до смертной казни и отрезания рук. Муфтий призвал горцев соблюдать каждую букву в шариате, если считают себя мусульманами. В послании муллам и прихожанам Северо-Кавказского муфтията от 4 ноября 1917 г. Гоцинский предложил сельским обществам оказывать содействие духовенству и выбрать из своей среды богобоязненных лиц, которым поручалось следить за соблюдением шариата [23, с. 76–77].

### Заключение

Таким образом отметим, что исламский фактор был определяющим в общественно-политических событиях после Февральской революции 1917 г. в Дагестанской области. Нестабильность политической ситуации в стране и слабость центральной власти вызвали рост сепаратизма и обусловили активизацию мусульманских деятелей, которые отстаивали свое право на тактические действия во всех событиях, ссылаясь при этом на Коран и шариат. Революционная эпоха выдвинула на политическую сцену новых религиозных и светских деятелей, которые вошли в новые институты власти и общественно-политические группы и комитеты. Новая политическая и религиозная элита старалась решать старые и возникшие новые проблемы, насущные вопросы дня мирным путём, для чего стали созываться съезды и совещания. Главными и определяющими ориентирами ценностей для всех участников общественно-политической борьбы оставались ислам и шариат, а его верховным регулятором становился глава Кавказского духовного управления – муфтий и имам в одном лице.

### Литература

1. *Аликберов Г.А. Победа социалистической революции в Дагестане.* – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. – 285 с.
2. *Аликберов Г.А. Революция и гражданская война в Дагестане. Хроника важнейших событий (1917–1921).* – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. – 216 с.
3. Али-Хаджи Акушинский – шейх-уль-ислам Дагестана, патриот и миротворец. (Документы и материалы) / сост. Г.И. Какагасанов, А.-Г.С. Гаджиев. – Махачкала: Юпитер, 1998. – 240 с.
4. *Ананьев А.Г. Исламский фактор в современных международных отношениях на Балканском полуострове: автореферат дис. ... к. ист. н.* – Н. Новгород, 2013. – 26 с.
5. *Бамматов Г. Речь на первой Всероссийской конференции мусульман // Время.* – 1917. – 31 мая.
6. *Баринев И.А. Синтез религии и политики в исламе на примере участия мусульман Забайкалья в революции и гражданской войне (1917–1922 гг.) // Вестник Читинского Государственного университета.* – 2012. – № 8 (87). – С. 75–82.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. р-1318. Оп. 1. Д. 1546.
8. *Исламский фактор в истории и современности / Ин-т востоковедения РАН; отв. ред. В.Я. Белокреницкий, И.В. Зайцев, Н.Ю. Ульченко.* – М.: Вост. Лит., 2011. – 605 с.
9. *История России. 1917–1940: хрестоматия / сост. В.А. Мазур, М.Е. Главацкий, М.А. Дашевская и др.* – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1994. – 350 с.
10. *Дибиров М.-К. (Карахский). История Дагестана в годы революции и гражданской войны / под ред. Гаджиева А.-Г.С., Дахдуева Д.А.* – Махачкала: б. и., 1997. – 200 с.
11. *Дибиров М.-К. История Дагестана. События после революции // Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского Федерального Исследовательского центра Российской академии наук (в дальнейшем – НА ИИАЭ ДФИЦ РАН). Ф. 2. Оп. 1. НА ИИАЭ ДФИЦ РАН. 2. Оп. 1. Д. 256.*
12. *Дибиров М.-К. (Карахский). История Дагестана. События после революции // Центральный государственный архив Республики Дагестан (в дальнейшем – ЦГА РД). Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 59.*
13. *Кашкаев Б.О. От Февраля к Октябрю.* – М.: Наука, 1972. – 365 с.

14. *Котеленко Д.* Исламский фактор в контексте безопасности Северного Кавказа // *Россия и мусульманский мир*. – 2012. – № 6. – С. 54–57.
15. *Коцанов Б.А.* Особенности и отличия гражданской войны в Туркестане и Каракалпакстане в сравнении с Северным Кавказом // *Северокавказский исторический дискурс Гражданской войны в России (1917–1922 гг.): материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 200-летию вхождения Дагестана в состав России (20 октября, Махачкала)*. Вып. 1. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. – С. 53–56.
16. *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа / Моск. центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2001. – 180 с.
17. *Мартиросиан Г.* История Ингушетии: материалы. – Орджоникидзе: Сердало, 1933. – 314 с.
18. *Назаров Р.Р.* Этнический состав в гражданской войне на Северном Кавказе и Туркестане: общее и особенное // *Северокавказский исторический дискурс Гражданской войны в России (1917–1922 гг.): материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 200-летию вхождения Дагестана в состав России (20 октября, Махачкала)*. Вып. 1. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. – С. 41. (С. 39–43).
19. НА ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 57.
20. *Очерки истории Поволжья и Приуралья*. Сборник статей. Вып. 2–3. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968. – 294 с.
21. *Саидов А.А.* Исламский фактор гражданского общества в политических системах республик Северного Кавказа // *Вестник Дагестанского государственного университета*. Сер. 3: Общественные науки. – 2016. Т. 31, вып. 3. – С. 100–105.
22. *Саидов А.* Исламский фактор легитимизации власти в республиках Северного Кавказа // *Россия и мусульманский мир*. – 2015. – № 5. – С. 60–65.
23. *Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.)*. Документы и материалы / редкол. М.Д. Бутаев, Г.И. Какагасанов, А.И. Османов, Д.Ш. Халидов. – Махачкала, 1994. – 440 с.
24. *Султанов Т.Б.* Роль исламского фактора в мировой политике и международных отношениях: автореф. дис. ... к. филос. н. – Махачкала, 2007. – 24 с.
25. *Таха Мохаммад Али.* Исламский фактор в мировом политическом процессе // *Вестник Московского лингвистического университета*. Общественные науки. – 2017. – Вып. 1. (778). – С. 62–73.
26. *Тахо-Годи А.* На путях к независимости. – Махачкала: Даггосиздат, 1930. – 41 с.
27. *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. – Махачкала: Даггосиздат, 1927. – 236 с.
28. *Узун-Хаджи Салтинский* – политический и религиозный деятель Дагестана и Чечни (Документы и материалы) / сост.: Какагасанов Г.И. – Махачкала: АЛЕФ, 2017. – 354 с.
29. *Хасанов У.* Против буржуазного национализма в татарской исторической литературе // *Революционный Восток*. – 1930. – № 8. – С. 202–204.
30. *Хроника Гамзата Кадиева о событиях гражданской войны*. События в Дагестане в 1917–1920 гг. / пер. с араб. К.М. Баркуева // НА ИИАЭ, Ф. 1. Оп. 1. Д. 431. Л. 2.
31. ЦГА РД. Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 62.
32. ЦГА РД. Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 255.
33. ЦГА РД. Ф. р-614. Оп. 1. Д. 1.
34. ЦГА РД. Ф. р-614. Оп. 1. Д. 4.

35. ЦГА РД. Ф. р-614. Оп. 3. Д. 3.
36. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – 342 с.

### References

1. Alikberov G.A. *The Victory of the Socialist Revolution in Dagestan*. Makhachkala. Dagknigoizdat, 1968. 285 pp. (in Russian)
2. Alikberov G.A. *Revolution and the Civil War in Dagestan. Chronicle of the Most Important Events (1917–1921)*. Makhachkala. Dagknigoizdat, 1962. 216 pp. (in Russian)
3. *Ali-Haji Akushinsky-Sheikh-ul-Islam of Dagestan, Patriot and Peacemaker. (Documents and materials)*. Comp. G.I. Kakagasanov, A.-G.S. Gadzhiev. Makhachkala. «Jupiter», 1998. 240 pp. (in Russian)
4. Ananyev A.G. *The Islamic Factor in Modern International Relations on the Balkan Peninsula*. Abstract of the PhD thesis (History). Nizhny Novgorod, 2013. 26 pp. (in Russian)
5. Bammatov G. Speech at the First All-Russian Conference of Muslims. *Vremya*. May 31. (in Russian)
6. Barinov I.A. Synthesis of Religion and Politics in Islam Through the Example of the Participation of Muslims of Trans-Baikal Region in the Revolution and the Civil War (1917–1922). *Bulletin of Chita State University*. 2012, no. 8 (87). Pp. 75–82. (in Russian)
7. *State Archive of the Russian Federation (SA of RF)*. P. p-1318. L. 1. F. 1546. (in Russian)
8. *The Islamic Factor in History and at Present / Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. Ed. V.Ya. Belokrenitsky, I.V. Zaitsev, N.Yu. Ulchenko. Moscow. East Lit., 2011. 605 pp. (in Russian)
9. *The History of Russia. 1917–1940: Anthology*. Comp. V.A. Mazur, M.E. Glavatsky, M.A. Dashevskaya, etc. Chelyabinsk. South Ural Book Publishing House, 1994. 350 pp. (in Russian)
10. Dibirov M.-K. (Karakhsy). *The History of Dagestan During the Revolution and the Civil War*. Ed. Gadzhieva A.-G.S., Dakhdueva D.A. Makhachkala. Without reference to the publisher, 1997. 200 pp. (in Russian)
11. Dibirov M.-K. The History of Dagestan. Events after the Revolution. *Scholarly Archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (hereinafter referred to as the IHAЕ RUS)*. P. 2. L. 1. F. 256. (in Russian)
12. Dibirov M.-K. (Karakhsy). The History of Dagestan. Events after the Revolution. *Central State Archive of the Republic of Dagestan (hereinafter referred to as CSA RD)*. P. 8-п. L. 3. F. 59. (in Russian)
13. Kashkaev B.O. *From February to October*. Moscow. Nauka, 1972. 365 pp. (in Russian)
14. Kotelenko D. The Islamic Factor in the Context of the Security of the North Caucasus. *Russia and the Muslim World*. 2012, no. 6. Pp. 54–57. (in Russian)
15. Koschanov B.A. Features and Differences of the Civil War in Turkestan and Karakalpakstan as Compared with the North Caucasus. *The North Caucasian Historical Discourse of the Civil War in Russia (1917–1922). Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 200<sup>th</sup> anniversary of the entry of Dagestan into Russia*. October 20, 2013 Issue 1. Makhachkala, DSU Publishing House, 2013. Pз. 53-56. (in Russian)
16. Malashenko A.V. *Islamic Landmarks of the North Caucasus*. Moscow Carnegie Center. Moscow. Gandalf, 2001. 180 pp. (in Russian)
17. Martirosian G. *History of Ingushetia. Materials*. Ordzhonikidze. Serdalo, 1933. 314 pp. (in Russian)

18. Nazarov R.R. Ethnic Composition in the Civil War in the North Caucasus and Turkestan: the Common and the Specific. *North Caucasian Historical Discourse of the Civil War in Russia (1917–1922). Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 200<sup>th</sup> anniversary of the entry of Dagestan into Russia*, October 20, 2013. Issue 1. Makhachkala. DSU Publishing House, 2013, p. 41. (pp. 39–43). (in Russian)
19. NA of IHAE of the DFRC RAS. P. 2. L. 1. F. 57. (in Russian)
20. *Essays on the History of the Volga Region and the Urals*. Collection of articles. Issue 2-3. Kazan. Publishing house of the Kazan University, 1968. 294 pp. (in Russian)
21. Saidov A.A. The Islamic Factor of Civil Society in the Political Systems of the Republics of the North Caucasus. *Herald of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences*. 2016. Issue 3. Vol. 31. Pp. 100–105. (in Russian)
22. Saidov A. The Islamic Factor of Legitimization of Power in the Republics of the North Caucasus. *Russia and the Muslim World*. 2015, no. 5. Pp. 60–65. (in Russian)
23. *The Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917–1918), the Mountain Republic (1918–1920). Documents and materials*. Editors M.D. Butaev, G.I. Kakagasanov, A.I. Osmanov, D.Sh. Khalidov. Makhachkala, 1994. 440 pp. (in Russian)
24. Sultanov T.B. *The Role of the Islamic Factor in Global Politics and International Relations*. Abstract of PhD thesis (Philosophy). Makhachkala, 2007. 24 pp. (in Russian)
25. Taha Mohammad Ali. The Islamic Factor in the Global Political Process. *Bulletin of Moscow Linguistic University. Social Sciences*. Issue 1. (778). 2017. Pp. 62–73. (in Russian)
26. Takho-Godi A. *On the Path Independence*. Makhachkala. Daghosizdat, 1930. 41 pp. (in Russian)
27. Takho-Godi A. *Revolution and Counter-Revolution in Dagestan*. Makhachkala. Daggosizdat, 1927. 236 pp. (in Russian)
28. *Uzun-Hadji Saltinsky – a Political and Religious Figure of Dagestan and Chechnya (documents and materials)*. Comp.: Kakagasanov G.I. Makhachkala. Aleph. 2017. 354 pp. (in Russian)
29. Khasanov U. Against Bourgeois Nationalism in Tatar Historical Literature. *Journal “The Revolutionary East”*. 1930, no. 8. Pp. 202–204. (in Russian)
30. The chronicle of Gamzat Kadiyev on the Events of the Civil War. Events in Dagestan. 1917–1920. Translated from Arabic by K. M. Barques (1963). *NA of IHAE*, P. 1. L. 1. F. 431. P. 2) (in Russian)
31. *Central State Archive of the Republic of Dagestan*. P. 8-п. L. 3. F. 62. (in Russian)
32. *Central State Archive of the Republic of Dagestan*. P. 8-п. L. 3. F. 255. (in Russian)
33. *Central State Archive of the Republic of Dagestan*. P. p-614. L. 1. F. 1. (in Russian)
34. *Central State Archive of the Republic of Dagestan*. P. p-614. L. 1. F. 4. (in Russian)
35. *Central State Archive of the Republic of Dagestan*. P. p-614. L. 3. (in Russian)
36. Yunusova A.B. *Islam in Bashkortostan*. Ufa, 1999. 342 pp. (in Russian)